

Монархический
социализм

Алексей Величко

Алексей Михайлович Величко
Монархический социализм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68881245

SelfPub; 2023

Аннотация

Краткий очерк о том, что из себя представляет социализм, и почему социализм и монархия могут меж собой гармонировать.

Содержание

I	6
II	11
III	17
IV	23
V	33
VI	39
****	54

Алексей Величко

Монархический социализм

«Если элементарное чувство жалости, получившее свою высшую санкцию в Евангелии, требует от нас накормить голодного, напоить жаждущего и согреть зябнувшего, то это требование, конечно, не теряет своей силы тогда, когда эти голодные и зябнувшие считаются миллионами, а не единицами. Самый факт экономических бедствий есть свидетельство, что экономические отношения не связаны, как должно, с началом добра, не организованы нравственно»

В.С. Соловьев¹.

«Первая обязанность правителей государства должна заключаться в заботе о том, чтобы законы и учреждения, общественные порядки и характер управления, сами по себе вели к общественному благосостоянию и частному благоденствию»

Римский папа Лев XIII.

«Чувство мое пророчит мне, что православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую

---

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия//Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т.8. Брюссель, 1966. С.362.

² «Окружное послание папы Льва XIII о положении трудящихся (Рерум новарум)// Папские послания Льва XIII, Пия XI и Пия XII. Рим, 1943. С.22.

форму жизни на месте буржуазно-либеральной»
*К.Н. Леонтьев*³.

---

³ *Леонтьев К.Н.* Письмо К.А. Губастову. 17 августа 1889 г. Оптина пустынь//*Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854 – 1891.* СПб., 1993. С.473.

I

Немного существует явлений, подвергшихся самым противоречивым оценкам и тем не менее уверенно закрепившихся в цивилизационной практике последних 100 лет у самых разных народов, как *социализм*. С первых дней своего появления социализм (а это учение относится к числу наиболее древних направлений философской мысли⁴) предложил измученным и голодным, страждущим и изверившимся людям не просто кусок хлеба, но и неизвестные им доселе чувство собственного достоинства, свободу и *народоправство*.

Насколько эти мечты реализовались в действительности, присутствует ли в социалистическом учении потенция на будущее, способен ли социализм корректировать свои догматы под новые требования жизни? – более чем дискуссионная тема. Тем более, что социализм многократно видоизменялся, нередко довольно существенно отходя от своих истоков. И нет ничего удивительного в том, что понятие «социализм» обычно прилагается к самым разным политико-правовым и экономическим конструкциям, нередко носящим взаимоисключающий характер.

Такие сторонники социализма, как выдающийся правовед и педагог С.И. Гессен (1887-1950), с гневным негодовани-

---

⁴ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале//Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С.210.

ем отвергали порождения Октябрьской революции, которые длительное время считались эталонными для социалистов. В отличие от известного теоретика партии эсеров В.М. Чернова (1873-1952), полагавшего, будто «особенность социалистического строя состоит в правильном учете и целесообразном распределении *всех* производительных ресурсов страны соответственно ее столь же всесторонне учтенным потребностям»⁵, он являлся провозвестником «правового социализма», т.е. социализма, понимаемого как углубление идей правового государства⁶.

Блистательный философ, богослов и экономист С.Н. Булгаков (1871-1944) являлся автором оригинальной и живучей до сегодняшнего дня доктрины «христианского социализма»: «Христианству не только нет причин бояться социализма, но есть полное основание принимать его в качестве благодетельной общественной реформы, направленной к борьбе с общественным злом»⁷. А, пожалуй, наиболее оригинальный и глубокий русский писатель и публицист К.Н. Леонтьев (1831-1891) связывал с социализмом, понимаемым им как возрожденный феодализм, воссоздание *антипода* либерально-буржуазного строя, столь им ненавистного: «Социа-

---

⁵ Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 216.

⁶ Гессен С.И. Правовое государство и социализм//Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1999. С.167.

⁷ Булгаков С.Н. Христианство и социализм//Булгаков С.Н. Христианский социализм. М., 1991. С.227, 229, 230, 231.

лизм есть не понятый самими социалистами феодализм будущего. Анархия он теперь только потому, что его назначение еще не понято; бунт он потому, что им занимаются теперь гуманные фразеры»⁸.

Иногда доходит даже до нелепых версий: например, в годы Советской власти ученые мужи доказывали появление то «социализма в отдельно взятом государстве», то «развитого социализма», то, наконец, «социализма с человеческим лицом». Разумеется, классификацию различных социалистических учений и практик можно было бы продолжать еще очень долго, в чем, однако, нет необходимости.

В целом, абстрагируясь от незначительных для целей нашего исследования деталей, определим, что социализм – это такой общественный строй, где государство (верховная власть) *принудительно* перераспределяет общественное богатство в целях обеспечения некоего материального уровня, необходимого для развития человека, используя свой аппарат управления, а также законодательство; *уравнивает* в той или иной степени материальное положение людей, и потому готово нарушить даже незыблемое в течение тысячелетий право собственности, либо вообще упразднить его. Зато взамен предоставляет *каждому* человеку уровень, обеспечивающий ему более-менее достойное существование, устраняющий ущербности его социального происхождения и дающий

---

⁸ Леонтьев К.Н. О новой культуре//Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т.12. Книга III. СПб., 2021. С.280.

шанс на перемещение вверх в общественной иерархии.

В зависимости от различных интерпретаций идей социализма меняются лишь степени принудительности и уровень обобществления имущества, а также способы достижения поставленной цели. В «классическом» своем выражении социализм предполагал *полную национализацию* средств производства, абсолютное уравнивание всех членов общества, упразднение сословной и классовой дифференциации, уничтожение политических институтов времен капитализма, предлагая им взамен систему «советов», вплотную приблизившихся в своем теоретическом обосновании к учению о непосредственном народоправстве. Но, конечно же, это – далеко не единственная модель социализма, и далеко не самая популярная, по крайней мере в настоящее время.

Нельзя отрицать того факта, что в общем идеи социализма для многих были и остаются весьма привлекательными. Даже Л.А. Тихомиров (1852-1923), один из наиболее серьезных противников этой общественно-политической формации, отмечал его несомненные достоинства: 1) усиление начала коллективности в слишком индивидуализированном строе капитализма; 2) усиление общественной поддержки для отдельной личности; 3) более справедливое и равномерное распределение средств к жизни⁹.

Как известно, социализм не приемлет капитализм, по-

---

⁹ Тихомиров Л.А. Заслуги и ошибки социализма//Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С.270, 271.

сколькy это учение исповедует полную свободу действий при естественном экономическом неравенстве между людьми. Но при этом, словно позабыв о вековых разногласиях, решительно сходится со своим оппонентом в неприятии монархической идеи. Действительно, если думать «быстро», о каком «народном» или парламентском государстве может идти речь, если оно имеет форму *монархии*?! Кажется очевидным, что одно категорично отрицает другое по принципу «или – или».

Между тем, как ни странно, сыщется немало весьма авторитетных мыслителей, известных сторонников монархической идеи, которые весьма недвусмысленно говорили не только о возможности, но даже *необходимости* соединения «воды» и «огня», социализма и монархизма. В частности, уже К.Н. Леонтьев пророчествовал о «союзе социализма с русским самодержавием», а как известно, многие его предположения впоследствии очень точно подтвердились на практике.

Признаться, тема эта столь интересна и мало изучена, что невольно возникает желание понять, насколько эти идеи имеют разумную основу и исторические предпосылки. Собственно, это и является предметом нашего краткого исследования.

II

Итак, начнем с самого начала. Безусловно, первый враг социализма – капитализм, т.е. общество, где господствуют не стесняемые никем и ничем рыночные отношения, при которых все блага достаются сильному, а слабому остатки пиршества, где процветает эксплуатация человека человеком. С этим строем социалисты связывали деление общества на класс капиталистов, монополюльно владеющих средствами производства и материальными благами, и рабочий класс, не обладающий ничем, «кроме своих цепей».

Да, конечно же, эксплуатация существовала и в другие эпохи. Хотя рабы по римскому праву имели возможность приобретать в собственность определенные вещи, а средневековые крестьяне обладали пусть и небольшими, но *своими* «средствами производства», их всех, как и рабочего из «Капитала» К. Маркса (1818-1883) объединяло то, что стоящие над ними элитарные группы населения получали «бесплатно» часть (большую или меньшую в данном случае не столь важно) созданного им товара, присваивая себе результаты чужого труда. Отличие заключается лишь в том, что при капитализме эта эксплуатация достигает своей *высшей формы*: одним все, другим – вообще ничего.

«Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяй-

ства высшим началам нравственности и религии. Никогда еще в истории не проповедовалось и не проводилось в жизнь такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть. Если по духовной своей природе капитализм в значительной степени является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии»¹⁰. Разве можно с этим не согласиться?!

Социализм, по мысли его сторонников, являет собой *альтернативу* этому несправедливому положению вещей. Принципиальная разница между противоположными идейными лагерями заключалась в том, что сторонники капитализма полагали свободные рыночные отношения *единственно естественным* и потому неприкасаемым законом развития общества, а попытки изменить его связывали с уничтожением человеческой свободы: «Экономическая свобода всегда ведет к неравенству, это – *неизбежный социальный закон*. Всякая искусственная организация, имеющая в виду установить между промышленными силами иные отношения, нежели те, которые возникли из свободной их деятельности, неизбежно влечет за собой подавление свободы»¹¹.

По их мнению, социализм – *искусственный* строй, убивающий человеческую свободу, пусть даже и во имя высоких

---

¹⁰ Булгаков С.Н. Христианство и социализм. С.225.

¹¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. Т.1. М., 1882. С.399, 401.

целей. Не был обойден данный вопрос и высшими церковными инстанциями, также с тревогой взиравших на декларации обобществления имущества и *полного* упразднения права собственности. Римский папа *Лев XIII* (1878-1903), сам многократно выступавший с осуждением экономического либерализма¹², провозгласил тем не менее в 1891 г. в энциклике: «Главное основание социализма, общность имущества, должно быть целиком отвергнуто; ибо оно причинило бы вред тем лицам, которым должно бы, по расчету, оказывать благодеяния, стало бы в противоречие с природными правами людей и ввело бы смуту и беспорядок в государственную жизнь»¹³.

Зачем человеку «права», обещанные еще со времен Французской революции 1789 г., возражали сторонники социализма, если он умирает с голоду?! Прежде нужно накормить его. Не спасают и провозглашенные либерализмом, этим конкурирующим «соседом» капитализма, политические «права», например, избирательное право, должны уравновесить возможности капиталистов и рабочих за счет корректировки политических институтов, а также создания и деятельности партий, отстаивавших их интересы. К чему свобода рабу эпохи капитализма, возражали им социалисты,

---

¹² *Вейль Жорж*. История социального движения во Франции (1852-1902). М., 1906. С. 354, 361, 363.

¹³ «Окружное послание папы Льва XIII о положении трудящихся (Рерум новарум)// Папские послания Льва XIII, Пия XI и Пия XII. С. 10.

если вся экономическая мощь сосредоточена в руках незначительной группы людей? Очевидно, что большинство прекрасных (в теории) «прав», обещанных гражданину, например: право собственности, избирательное право, неприкосновенность жилища, свобода труда и договора «означают в лучшем случае пустые слова, в худшем – жестокую иронию»¹⁴. И с этим тоже трудно не согласиться: как известно, у кого деньги, у того и власть.

Да, при капитализме богатство общества многократно увеличивается, это бесспорно, однако *человек* все равно остается бедным и угнетенным. Но не он ли представляет собой высшую ценность, как источник власти в государстве и венец творения природы!? И приходилось раз за разом напоминать «свободным экономистам», что «безусловное значение человека основано на лежащей в его разуме и воле *возможности* бесконечного совершенствования. С нравственной точки зрения требуется, чтобы всякий человек имел не только средства к существованию и достаточный физический *отдых*, но чтобы он мог также пользоваться и *досугом* для своего духовного совершенствования»¹⁵. А какой же досуг у раба?!

Социалисты были убеждены в том, что их учение распространяет требование общественной солидарности, по выражению П.Л. Лаврова (1823-1900), *на все человечество* и тре-

---

¹⁴ Гессен С.И. Правовое государство и социализм. С.176.

¹⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С.379, 380.

бует прекращения борьбы за существование *внутри человечества*. Социализм, как утверждают, и есть высшая ступень исторического развития человечества¹⁶.

Остановимся и спросим себя: так ли уж социалисты неправы в описании картин, которые создало капиталистическое общество? Достаточно вспомнить из художественной литературы бедственное (если не сказать хуже) положение рабочих и их семей, а также тех, кто оказался в беспомощном состоянии – детей-сирот, одиноких стариков, больных и увечных, инвалидов и людей, подвергнувшихся разрушительному воздействию природы или социальных бедствий. Отдавать заботу о них исключительно в руки субъективного чувства жалости отдельных лиц, как советовал блистательный русский правовед и философ Б.Н. Чичерин (1828-1904)¹⁷, совершенно невозможно. Разовые примеры благотворительной деятельности не могут охватить собой всех страждущих, не решат проблемы в целом, *условны*, наконец: захотел – накормил, нет – прошел мимо, пусть даже сочувствуя бедолаге и печалюсь.

Это признавала, как уже отмечалось выше, и Римская церковь в лице своих иерархов: «Необходимо, чтобы богатства, непрестанно растущие благодаря экономическому и социальному преуспеванию, распределялись между отдельными

---

¹⁶ Лавров П.Л. Социализм и борьба за существование//Лавров П.Л. Избранные труды. М., 2010. С.341.

¹⁷ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. Т.2. М., 1883. С.101.

лицами и классами так, чтобы была обеспечена *общая для всех польза*; чтобы неприкосновенным сохранить общее благо всего человеческого общества. Именно этот закон социальной справедливости не позволяет одному классу исключать другой от участия в распределении выгод»¹⁸.

Актуальность этой проблемы подтвердила спустя без малого столетие от сказанных слов и Русская церковь в «Основах социальной концепции»: «Церковь всегда выступала в защиту безгласных и бессильных. Поэтому она призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый – больного, трудоспособный – престарелого. Духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств»¹⁹.

---

¹⁸ «Окружное послание папы Пия XI (Квадрагезимо анно)// Папские послания Льва XIII, Пия XI и Пия XII. С.63.

¹⁹ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Глава VI.6.

III

Увы, решить эту проблему путем полной национализации средств производства, уничтожения частной собственности и передачи функций управления экономическим процессом в непосредственное ведение всего общества, как предлагали социалисты первой волны²⁰, не получилось. Не говоря уже о многих возникающих попутных вопросах (резко возросшее могущество государства, расцвет бюрократия и коррупции²¹), вскоре выяснилось, что предлагаемые методы уравнивания вступили в явное противоречие с идеей социального равенства.

Конечно же, социалисты вовсе не покушались на свободу человека, напротив, рассчитывая, что она только и возникает при обеспечении равных экономических условий. Однако на поверку вышло другое. Не касаясь значительных достижений нового общественного строя в социальной жизни, которые никто не собирается отрицать или умалчивать, поговорим о недостатках социалистической системы, которые совокупно все же оказались сильнее, чем и обрекли его на саморазрушение.

Полное огосударствление промышленности, уничтоже-

---

²⁰ Аксельрод П.Б. Социализм и мелкая буржуазия// П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов. О революции и социализме. М., 2010. С.104.

²¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Т.1. С.404, 405.

ние права частной собственности и замена его эрзацем и виде *личной собственности* граждан, массовые ограничения на приобретение и распоряжение имуществом, *абсолютное* плановое хозяйство, не столько учитывающее вкусы, интересы и потребности граждан, сколько *навязывающее* их им со стороны государственных органов (бюрократии), идеологизация самых привычных общественных явлений, примат экономики даже в науке о человеке – эти и сопутствующие им явления, столь знакомые нам по годам Советской власти, наглядно показали полную *бесперспективность* «классического» социализма, построенного по лекалам Маркса и его преемников. Пришлось согласиться с тем выводом, что «было бы роковым заблуждением злоупотреблять принципом общего блага для уничтожения свободы и достоинства личности»²².

Мы уже не говорим о том, что частная инициатива при ежедневно навязываемой государством идеологии *детерминизма*, т.е. учения о победе социализма над капитализмом и плавном переходе к коммунизму, обществу всеобщего благоденствия, иссякает чрезвычайно быстро. Действительно, к чему человеку прилагать какие-то усилия, если социалистический строй и так по «объективному закону развития общества» неизбежно *обречен* торжествовать?!

В последующие годы теорию социализма начали спешно корректировать, тем более, что отдельные его идеи, связан-

---

²² Хейфнер Йозеф. Христианское социальное учение. М., 2004. С.45.

ные с перераспределением общественного блага и обеспечением социального минимума, начали реализовывать практически на всех континентах Земли.

Так, вскоре речь пошла уже о необходимости национализации не всей промышленности, а лишь отдельных отраслей или только крупных предприятий, о сохранении права частной собственности, пусть даже только на некоторые средства производства, об *альтернативных* экономических формациях, в соревновании с которыми социалистическое хозяйство приобретало бы новые импульсы и раскрывало внутренние резервы, недопустимости картельных соглашений и борьбе с монополией крупного капитала во имя защиты мелкого производителя и обывателя.

Эти и другие теоретические рецепты спешно пытались претворить в жизнь, но, как оказалось, и на этом пути социализм ждал неприятности, ставящие под сомнение его перспективы. Оказалось, что полная национализация производства – далеко не единственная сущностная проблема социализма, если он стоит на принципиальном пути уничтожения *любых* форм неравенства, которые в глазах его сторонников синонимичны несправедливости; «вдруг» открылись и другие.

Например, для исправления векового неравенства в США в свое время были введены квоты в университетах и в государственных учреждениях – некий процент мест обязательно должен был быть заполнен неграми. «Но это значило, что

часть нечерных абитуриентов, имеющих хорошую подготовку, не смогли поступить в университет. Ведь каждый из не поступивших в отдельности не виноват в вековой несправедливости белых перед черными». Для него такой бюрократический способ компенсации вековой несправедливости сам *несправедлив*²³.

Закон, закрепляющий повышенную налоговую и имущественную нагрузку на наиболее богатые слои населения, также утратил в глазах граждан свою привлекательность, как орудие справедливости. Наиболее характерные пример в этом отношении – дифференцированная система налогообложения граждан. В частности, согласно статистике последних десятилетий, в тех же самых США семьи, имеющие доход более 50 тыс. долларов, составляют около 2% от общего числа. При этом они платят 24% всего подоходного налога в стране. Следующие 8% семей с более низкими доходами платят 25,7% подоходного налога. Таким образом, 10% семей, имеющих самые высокие доходы в стране, выплатили в 1978 г. 49,7% совокупного подоходного налога граждан США. Те, кто получает от 20 тыс. до 40 тыс. долларов (это около 40% семей), выплатили в 1978 г. около половины всего подоходного налога в США. Для сравнения: половина всех семей, имеющих низкий доход (около 25,5 млн. семей), заплатили только 6,5% подоходного налога. Семьи с самым низким доходом не заплатили практически ничего. «В ре-

---

²³ Пинскер Б. Бюрократическая химера // Знамя. 1989. № 8. С. 195

зультате 10% самых богатых семей платят большую часть налогов за 50% самых бедных граждан»²⁴.

Разумеется, многие идеи социализма носят позитивный характер, поскольку без учета и перераспределения государством общего блага, без помощи слабым и малообеспеченным слоям населения никакое общество не может равномерно и гармонично развиваться. Да и сам человек, мечтающий лишь о куске хлеба, едва ли способен мыслить о себе выше, чем о говорящем животном. Но с учетом возникающих проблем, социализм, пытающийся их устранить, мало по малу начинал приобретать все более «либеральные» черты.

Да, огосударствление промышленности хотя бы в важнейших отраслях все еще остается актуальным, не говоря уже о борьбе с монополиями. Бесспорно также, что необходимо при содействии государственной власти ограничивать права работодателей, предусмотреть социальные гарантии трудящимся, следить за ценообразованием на отдельные, наиболее ходовые товары и т.д. А для этого следует вспомнить о парламенте, который законодательно закрепляет эти меры по отношению ко всем и каждому, иначе (ирония судьбы!) бесправными окажутся уже те, кто хотя бы немного поднялся выше рядового рабочего, т.е. «капиталисты».

Однако, очевидно, эта масштабная и постоянная работа должна иметь своих «контролеров». Одного парламента, демократических институтов, которые предлагает либе-

---

²⁴ Новак Майкл. Дух демократического капитализма. Минск, 1997. С. 233.

рализм, общественного контроля в духе «народного государства» в этом случае явно недостаточно: любой и каждый «контролер», как бы он не назывался, должен руководствоваться *общими* критериями справедливости и знать те границы, которые никому нельзя переходить без ущерба для свободы. И если мы говорим о свободе человека, то, следовательно, этими критериями могут стать единственно его «права», закрепленные в законе и защищаемые верховной властью.

Следовательно, сказали новые социалисты, нужно добиться такого положения дел, когда социализм органично соединится с либеральными «правами», вследствие чего возникнет конструкция, обладающая достоинствами обеих доктрин и упраздняющая внутреннее противоречие между ними. Очевидно, степень стеснения «прав» (а при социализме это все же неизбежно, в первую очередь, права собственности) зависит от множества внешних обстоятельств. Но в любом случае они должны оставаться для государства и гражданина *маяком свободы*, который высвечивает путь политическому кораблю среди рифов и скал.

IV

Эти многообещающие формулы легко сформулировать вслух, но реализуемы ли они на практике? Вопрос не праздный, поскольку, как не раз замечалось, социализм воспринимался его сторонниками в первую очередь, как *экономическое* учение, направленное на обеспечение экономических прав. Поэтому, подвергнув капитализм жесткой обструкции, социалисты переняли для своих конструкций те же самые идеи и аксиомы, которые были рождены ненавистным и отрицаемым ими строем. По одному точному выражению, хотя социализм был прав в критике капитализма, но грешил тем, что сам *еще* духовно пребывал в нем²⁵.

В частности, для социалистов, также, как и для сторонников капитализма, человек имеет значение лишь как обладатель материального благосостояния, он интересен как *производитель* и *потребитель благ*. Не духовные запросы человека, его нравственные потребности и прирожденная свобода, а *экономика* являлась альфой и омегой социализма. Как следствие, на полном серьезе утверждалось, что нравственное совершенство государства, понимаемого социалистами исключительно как экономический союз, напрямую и всеце-

---

²⁵ Булгаков С.Н. Христианство и социализм. С.225.

ло зависит от его хозяйственного строя²⁶.

В этой материалистической конструкции нет главного – самого *человека*. Не случайно, «классический» социализм справедливо признавался замкнутой системой абсолютно-го коллективизма, принципиально исключавшей религию, которая для социалистов отождествилась с общественной несправедливостью²⁷.

Почему? Хотя бы по той причине, что именно религия благословляла общественное неравенство и признавала право собственности «естественным», предлагая соответствующие доводы из Священного Писания. А где присутствует общественное неравенство, там нет свободы, и социалисты дружно призвали в свои союзники материализм и атеизм в пику христианству. Как не согласиться после этого с Л.А. Тихомировым, утверждавшем, что самые негативные стороны социализма возникли тогда, когда утопический социализм слился с *материализмом*²⁸. Его убеждение разделял и Б.Н. Чичерин²⁹.

Казалось бы, эта беда вполне излечима, поскольку, испытав первую горечь поражений, социализм сошелся со своим вчерашним смертным врагом – либерализмом, переняв от него «права человека». Увы, в скором времени выяснилось,

---

²⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С.370, 371.

²⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С.214, 216.

²⁸ Тихомиров Л.А. Заслуги и ошибки социализма. С.274.

²⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. Т.5. М., 1902. С.156.

что и либерализм выпестован той же идеей *светского*, безрелигиозного общества, и предлагаемые им «права» не имеют к религии никакого отношения. Ну, разве что только по названию, но никак не содержательно. Зато весьма враждебны по отношению к христианству.

«Идея абсолютного достоинства человеческой личности и равенства всех перед Богом, как “сынов Божиих”, проповедана Евангелием и неразрывно связана в нем с учением о Боге и мире, с основными положениями христианской метафизики. Все демократические идеалы нашего времени питаются этой идеей. Но – странным образом – не только происхождение этой идеи забыто, и действительные основания ее утеряны, но с течением времени идеалы свободы, равенства, братства стали считать чем-то *чуждым* и даже *противоположным* христианству»³⁰.

Не удивительно, что, приняв на вооружение либеральные «права», социализм нисколько не продвинулся в попытке их «одухотворения». Если же духовные ценности по-прежнему меряют исключительно *материальными* критериями потребления и производства, то едва ли возможно возносить их *над* потребностями человека, свобода которого оценивается только и исключительно по степени их удовлетворения; остальные не в счет.

Какое иное благо, кроме наращивания материальной базы

---

³⁰ Булгаков С.Н. О социальном идеале // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: сб. ст. СПб., 1903. С. 302.

и роста потребительской корзины, ставит во главу угла социалистическое государство либерального типа, если нравственность и духовность – суть *производные* от материальных категорий понятия?! Ответ очевиден: сыт человек – это и есть венец надежд, апогей его расцвета, главная цель общественного и личностного развития. Остается лишь согласиться со следующими словами: «Материальная и, в частности, денежная культура есть могущественнейшее орудие общего прогресса; но оно есть именно только *орудие*, результаты которого определяются не им самим, а целями и духовными запросами тех, кто им пользуется. Предоставленное самому себе, оно имеет *разрушительное действие*, ибо обращает средства в цели, а цели в средства и, необычайно увеличивая внешнее могущество, вместе с тем делает личность слугой материальных вещей и ценностей»³¹.

Не удивительно, что за очень незначительный период времени реестр «прав», как он начал формироваться французскими «энциклопедистами» еще в XVIII столетии, хотя и вырос численно, все более и более обесценивался *содержательно*. Да и расширение перечня прав не может не встревожить здоровые натуры: год от года (и так на протяжении минувшего века) нравственным стали считать едва ли не все, что человеку угодно совершить – лишь бы это не вредило *материально* окружающим, включая однополые «браки»,

---

³¹ Франк С.Л. Капитализм и культура//Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т.3. М., 2020. С.368.

«право» на эвтаназию, аборт и парад геев, свободную продажу наркотиков. Все эти новации уже сегодня выдают за *прогресс*, хотя непредвзятому уму сложно назвать их иначе, как проявлениями *духовной деградации* человека. Да и физической, к слову, тоже.

Стало очевидным, что без *абсолютных* нравственных ценностей, даруемых человеку и обществу «извне», любой тип социалистического государства, пусть даже самый «либеральный», *закабалает* человека хуже всякого капиталистического общества и – главное – *развращает* его.

Если главная цель общества *накормить* человека, сотворить из камня хлебы (Мф.4:3) по одному коварному и злобному совету, то остальные аспекты утрачивают актуальность и откровенно переносятся в «запасники» свободы, которой можно пользоваться, как угодно. Но откуда взялось нелепое утверждение, будто сытый человек *сам по себе* возрастет духовно-нравственно? Общество берется удовлетворить *все* его желания, не нарушающие покоя других граждан? Но, как легко убедиться, далеко не все потребности *полезны* человеку. Если рассматривать его, конечно, как нравственное существо, а не животное. Отец русской философии В.С. Соловьев (1853-1900) писал как-то, что многие люди имеют потребность в порнографии, но «должна ли эта потребность удовлетворяться производством непристойных книг, картин, безнравственных зрелищ»?!³² Ответ, надо полагать,

---

³² Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С.385.

очевиден.

Или – другой пример: социализм радеет об уменьшении рабочего дня, однако очевидно, что «далеко не всякое сокращение рабочего дня, обеспечивающее не только отдых, но и досуг, является безусловным благом. Нужно не только хозяйственно, но и *духовно дорасти* до короткого рабочего дня, умея употреблять освобождающийся досуг. Иначе короткий рабочий день явится источником деморализации и духовного вырождения. И здесь имеет силу закон, что не о хлебе едином живет человек. Тем не менее именно такая свобода от хозяйства, или некоторое сверххозяйственное состояние, составляет мечту социализма»³³.

Равноправие и равенство – хоть социальное, хоть политическое – при ближайшем рассмотрении также вызывает массу вопросов. Как, к примеру, можно уравнивать в политических правах (тех же избирательных) многомудрого интеллектуала и люмпена, едва ли вообще разбирающегося в политической философии и практике государственной деятельности? Седовласого, мудрого отца семейства и юного повесу, у которого в голове развлечения явно преобладают над чувством гражданской ответственности? Вообще, для многих людей избирательное право становится *товаром*, который они охотно и легко продают покупателям, строящим из него свои политические карьеры. Эти явления за минувший век столь многочисленны и повсеместны, что не вызывают

---

³³ Булгаков С.Н. Христианство и социализм. С.213.

даже удивления. И борьба за избирателей в действительности превращается в судорожную гонку по скупке их голосов.

Тоже следует сказать и об экономическом равенстве. Благо, если дарованные гражданину государством средства идут на доброе дело. Но ведь зачастую они потребляются бездумно и безрассудно. Так алкоголик вливает в себя очередную бутылку зелья, твердо зная, что завтра принесут еще. Ради этого, что ли, и строилось государство экономического и социального равенства?!

Разговоры о духовности носят вовсе не «теоретический» характер и обусловлены не субъективными желаниями отдельных утопистов-христиан побороться за нравственность. И требование видеть в человеке духовную силу, желание пробудить в нем нравственное чувство вызваны вовсе не жеманством «романтиков от науки» или политики, а практической необходимостью, если угодно.

Если социализм готов скорректировать свою цель, отказавшись от экономического уравнивания граждан, согласившись с тем, то достаточно «лишь» *обеспечить* каждому тот необходимый минимум, который, как кокон бабочку, защищает человека, то ему и в этом случае нужна именно *личность*, сознательно участвующая вместе с верховной властью в социально-политическом процессе. Да, государство готово применить жесткую силу, склоняющую высшие и наиболее обеспеченные группы населения перед общегосударственными целями. Однако такую же силу ему приходит-

ся применять и в отношении *низиших* слоев населения, напоминая им, что социально-политические и правовые гарантии даны им как гражданам своего отечества, а не «вообще». А потому, получая их безвозмездно от государства, они обязаны *служить* ему в тех формах и в то время, какие будут определены властями, а не по собственному желанию и усмотрению. Можно сказать и иначе: только в том случае государство *обязано* обеспечить человеку право на достойное существование, когда человек будет трудиться с осознанием полезности и необходимости своего труда, *желанием* служения всеобщему благосостоянию ближнего³⁴.

Само собой разумеется, это возможно лишь при *духовном* развитии человека, когда и для него, и для верховной власти безусловными признаются *одни и те же* нравственные заповеди и требования. В противном случае государство вырастит поколения (одно за другим) тунеядцев и бездельников, безынициативных плебеев, ценящих исключительно собственное благо. Да и силовые, запугивающие представителей политической и бизнес-элиты методы едва ли могут приветствоваться в качестве единственного средства привлечь их к решению общегосударственных задач. Да, «предпринимательская прибыль должна быть очищена и облагорожена осознанием служения обществу»³⁵. Но много ли даст

---

³⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т.1. М., 1990. С.421.

³⁵ Хеффнер Йозеф. Христианское социальное учение. С.229.

«осознание», выбитое палкой?! В этом случае «либеральный социализм» вновь возвращается на круги своя, вспомнив старую «экспроприацию экспроприаторов».

С нравственным началом связано и отношение человека к природе, дающей ему необходимый материал для удовлетворения потребностей и экономического развития. Либо хищническое, основанное на убеждении в том, что человек – царь мироздания и налагает свою волю на окружающий мир в духе Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831): «Все вещи могут стать собственностью человека, поскольку он есть свободная воля. Так как я даю моей воле наличное бытие через собственность, то собственность также должна быть определена как эта, моя»³⁶; либо духовное, основанное на признании природных богатств даром Божиим, который он должен возделывать, воссоздавать, улучшать, в известной степени «служить» природе, культивировать и хранить созданный Творцом внешний мир.

Способен ли социализм, если он и в самом деле желает поставить во главу угла человека, вырваться из липких объятий грубого материализма во имя достижения высшей цели? Готов ли признать, что социальная справедливость вовсе не экономическое понятие и не ограничивается им, что это – не случайный материальный закон, данный нам слепой «природой», а *духовная категория*, возносящая человека к Богу? И если это так, то и для «прав» нужен *абсолютный ис-*

---

³⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 103, 105.

точник, из которого они черпали бы собственное содержание. Таковым, бесспорно, может быть только *религия*. «Все усилия людей будут тщетны, если мы оставим в стороне Церковь» – очевидная истина³⁷.

В очередной раз возникает вопрос: возможно ли такое в принципе? Ведь, как известно, «социализм есть проповедь царства от мира сего, самая решительная попытка человечества устроиться без Бога. Христианство же есть царство не от мира сего, хотя путь к нему проходит и через этот мир, оно подготавливается в истории человечества»³⁸.

Ответ очевиден: для того, чтобы разорвать этот порочный круг противоречий, нужно, чтобы социализм стал *христианским*. Но как достичь этой цели?!

---

³⁷ «Окружное послание папы Льва XIII о положении трудящихся (Рерум новарум)// Папские послания Льва XIII, Пия XI и Пия XII. С.11.

³⁸ *Булгаков С.Н.* Христианство и социализм. С.229, 233.

V

Очевидно, для этого требуется, чтобы государство не просто продекларировало бы себя «анти-светским», а в буквальном смысле этого слова стало «теократическим», приняв догматы веры и христианскую этику в качестве абсолютного нравственного закона. И если мы принимаем это требование, то следует категорично отказаться от «классического» понимания «прав», как системы, *уравнивающей* людей, и взять за основу ту религиозную аксиому, что люди изначально *неравны*, и в этом неравенстве как раз и содержится здоровая основа развития общества. Если, конечно, человек верит в Бога. «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех» (1 Кор.12:4-6). С этим доминирующим признаком напрямую связаны также *формы правления* государства, *система* и *структура* власти, *способ* ее деятельности – ведь человек и общество пребывают в материальном мире, и государство есть помимо духовной составляющей еще и *материальная сила*. Равно как и институт власти.

Форма правления – величина вовсе не индифферентная тем задачам, которые ставит перед собой «теократический» социализм. Может ли общество всерьез верить в Божий промысел и признавать Его Творцом неба и земли при респуб-

ликанской, в частности, форме правления, основанной на идее народного суверенитета и признании человека источником верховной власти?! Ведь в этом случае уже сам человек мнит себя «творцом земли», по крайней мере. А иногда даже и «творцом неба».

Несложно понять, что в либерально-социалистической конструкции Богу места уже не остается. Как следствие, нравственные ценности, полагаемые в основу «прав человека» утрачивают абсолютный характер и признаются детищем обстоятельств времени и места. Потому хотя и заявляют, что «этические нормы носят некоторый характер универсализма, который проявляется по мере развития человечества», однако тут же оговариваются, что «переход человечества в *качественно новую стадию* своего роста должен привести к разработке *новой системы этики*, более универсальной по своему содержанию³⁹. Собственно говоря, *все* без исключения светские государства основаны на этом убеждении.

«Республиканское теократическое светское государство» – суть немислимая адакадабра, набор лишенных связи друг с другом признаков. Более того, поскольку человек в *таком* социалистическом обществе оценивает все явления «по-человечески», то и свое природное неравенство в сравнении с более удачным и обеспеченным гражданином воспринимает особенно обидно для себя. Эта социальная за-

---

³⁹ *Куриц Пол.* Гуманизм и атеизм: о сходствах и различиях//Вопросы философии. 1990. №4. С. 171,172.

висть не может быть успокоена ничем, кроме как удовлетворенным желанием сравняться с «тем», «другим», *любым* способом. Правда, за этим, которого «счастливчик» уже догнал и перегнал, последует новый, и так без конца...

Да и народоправство в этом случае вовсе не носит столь широких демократических масштабов, которых следовало бы от ожидать по обещаниям его теоретиков. Думается, совершенно не случайно средний обыватель полагает, что парламент и другие демократические институты беспокоятся вовсе не о его благе, а об интересах элиты общества. Чего здесь больше – правды или затаенной зависти, трудно сказать. Но факт остается фактом: по данным современных американских социологов, в 1964 г. 29% населения говорило, что управление США ведется к пользе богатых. В 1992 г. таких уже было 80%⁴⁰.

Однако и верховная власть, всерьез опасаящаяся нарастающих потребительских appetитов своих подданных, берет всю жизнь обывателя под строгий учет и контроль, чтобы, во-первых, не переплатить ему, во-вторых, чтобы заставить его жить в понятной ей форме, а, в-третьих, чтобы завистливые граждане сохраняли хотя бы *видимость* социального порядка. Не случайно, в условиях либерального социализма общество покрыто сетью всевозможнейших узаконений, ре-

---

⁴⁰ *Туроу Лестер*. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология/ Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 203, 207.

гулирующих жизнь от первого вздоха до гробовой доски, а то и еще дальше. И это называется – «*свободой человека*»⁴¹.

В качестве альтернативы необходимо рассмотреть ту форму правления, которая являет собой плоть от плоти детище теократической идеи – *монархию*, основанную на иерархичном, структурированном обществе, где социальное неравенство людей сосуществует вместе с признанием равенства их всех, как сынов Божиих. Где социальная политика государства направлена не на *уравнение* материального положения всех граждан, а на обеспечение каждого из них «*правом на достойное человеческое существование*». Где правоспособность человека определяется в зависимости от вида и сложности его общественного служения. И где естественные «*права*», например, на свободу совести, право собственности и т.п., надежно защищены законом.

Казалось бы, такая попытка едва ли может быть принята без скепсиса: пусть к достоинствам монархии можно отнести ее «теократичность», но из общих соображений «общеизвестно», что единоличная власть никак не может совмещаться с «правами» граждан. Но кто сказал, что монархия – синоним деспотии, диктаторства, что она – прирожденный убийца свободы человека или, как минимум, его «прав»?! Ведь в теократическом государстве, живущем по религиозным догматам, рядом с носителем верховной единоличной

---

⁴¹ *Штейн Людвиг*. Социальный вопрос с философской точки зрения. М., 1899. С. 552.

власти располагается Церковь, обнимающая собой весь политический союз, элита общества, выросшая на принципе «*правообязанности*», т.е. служения отечеству, рядовое население, ярко осознающее себя гражданами, а не просто обывателями.

Каждая из этих групп и совокупно – тем более, это такая нравственная и материальная *сила*, которая способна отрезать любого самодержца, пытающегося уклониться от подвига служения и пожелавшего остановиться лишь на стадии вкушения благ от единоличной власти. Разумеется, данная политическая конструкция, состоящая из живых людей со своими недостатками и страстями, требует ежедневной, и так из года в год, из века в век, работы, направленной на микширование отдельных личностных недостатков и приведение остальных элементов системы к общей гармонии, «*симфонии*». Но именно этот процесс и демонстрирует нам история теократических государств.

В сказанном нет преувеличения, поскольку в отличие от представителей высших органов республиканской власти, в лучшем случае верящих в Бога «лично», но не готовых признать религию объективным фактором, монарх, сознающий себя Божьим слугой, имеющий страх Божий и руководствующийся в своей жизни христианской этикой, мыслит иначе. Для него «дар власти – от Бога и представляет собой как бы частицу наивысшего из всех главенств, и он должен быть проявлен так, как проявляется власть Бога – с отеческой за-

ботливостью, которая не только руководит целым, но касается и всех частных»⁴².

Выясняется, что для обеспечения «прав человека» вовсе не обязательно декларировать *политическое* равноправие, для социальных гарантий не требуется национализация средств производства, для формирования равных «стартовых» возможностей вовсе не нужно упразднить внутреннюю структуру общества, то *естественное неравенство*, которое каждый человек застает уже в момент своего рождения и какое сопровождает его всю жизнь. Напротив, «сословия суть признак силы и необходимое условие культурного цветения. Христианство *личное, настоящее*, думающее прежде всего о том: «*Как я отвечу на Суде Христовом?*», – ничего не имеет против сословий и всех неприятных последствий сословного строя. Гражданская эмансипация и свобода христианской совести – это большая разница»⁴³.

История многократно свидетельствует об эффективности строя, который создало *религиозное* общество еще в те времена, когда о «научном» социализме никто еще не говорил.

---

⁴² «Окружное послание папы Льва XIII о положении трудящихся (Рерум новарум). С.25.

⁴³ *Леонтьев К.Н.* Письмо А.А. Александрову 12 мая 1888 г. Оптина пустынь//Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. Книга 2. СПб., 2020.С.72, 73.

VI

В качестве блистательного примера рассмотрим практику Византийской империи, где «права человека», включая политические и социальные, системно и весьма умело сосуществовали с частной собственностью, жесткие ограничения по продаже наиболее востребованных товаров со свободой торгового оборота, где государством устанавливалась плата рабочим определенных специальностей, существовала система социального призрения и медицинского обеспечения, разнообразные образовательные учреждения (как платные, так и бесплатные), и многое другое, что сегодня для нас является визитной карточкой социалистического государства.

Так, уже при императоре *Валентианиане I* (364-375) в Риме был открыт университет. В нем насчитывалось 14 факультетов, где обучались *бесплатно* все желающие граждане. Там преподавал 31 профессор по таким отраслям знания, как правоведение, риторика, грамматика, философия. Полвека спустя университет появился и в Константинополе. Существовали также обычные школы – государственные и частные, многие дети «из простых» обучались при монастырях, которых насчитывалось великое множество.

При императрице *св. Феодоре* (527-548) были созданы специальные заведения для женщин, некогда занимавшихся проституцией и выкупленных царицей по их желанию. Они

содержались на ее личные средства и проводили время в покаянии, молитвах и труде.

В XII столетии император *Мануил I Комнин* (1143-1180) организовал сеть бесплатных аптек, где больным отпускались необходимые лекарства. Любопытно, что авторство рецептуры многих из них принадлежало самому императору.

Право собственности на землю в Византии принадлежало государству по принципу: «Кто взимает налоги, тому и принадлежит земля»; остальные лица являлись владельцами различных уровней, имевших лишь право на доход с земельных участков⁴⁴. Поэтому верховная власть могла без труда конфисковать земли мятежников, административными методами перераспределять ее или обменивать между различными лицами. С другой стороны, первой заботой императора являлся поиск людей, способных максимально эффективно возделывать землю⁴⁵.

Очень тщательно было организовано производство наиболее важных предметов, например, шелка-сырца. Он не мог быть вывезен за пределы Константинополя, продавался исключительно торговцам, имеющим специальное разрешение, при этом продавец не мог иметь прибыль более 8, 33%. Аналогичным образом регулировалась максимальная прибыль торговцев золотом и серебром (8%), производителе-

---

⁴⁴ *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса в Византии XI – XII вв. СПб., 2016. С.196.

⁴⁵ *Гийю Андре.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С.251.

лей мыла и воска (16, 66%), мясников, колбасников, рыбаков, булочников, (4%) и других. Хлебная торговля находилась в монополии государства в виду особой значимости этого пищевого продукта. Было твердо урегулирована заработная плата отдельных категорий работников, например, капитанов и экипажей морских судов⁴⁶.

Сильное впечатление оставляет ознакомление с известным законом, закрепившим социально-экономическую структуру общества и поддерживавшего сословно-цеховую организацию, – «Книгой эпарха». Закон категорически не допускал, в частности, *аргиопратам* (торговцам золотом и серебром) приобретать и продавать иные предметы, кроме указанных. При этом при торговле своим товаром они не имели права снижать или повышать цену продаваемых вещей в ущерб продавцам (глава II. §1, 2)⁴⁷.

Торговцы шелком (*вестиопраты*) имели право покупать шелковые одежды, но никакой иной товар, за исключением того, какой предназначен для личного употребления (глава IV. §1). Закон закреплял существование очень специфических корпораций, например *прандиопратов*, занимавшихся монопольно закупками одежды в Сирии. При этом «Книга эпарха» четко регулировала, какой товар и какого качества

---

⁴⁶ Там же. С.301, 302, 307.

⁴⁷ «Книга эпарха»//Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга эпарха. Рязань, 2006. С.291.

мог стать объектом их торговли (глава V. \$1, 2) ⁴⁸.

Наверное, не было ни единого важного вопроса, который не был тщательно и детально урегулирован императорскими законами. Так, ремесленники, очищающие шелк (*катартариш*), имели право приобретать шелк-сырец, привозимый из-за границы, лишь в объемах, которые могут сами обработать; очевидно, для предотвращения спекуляции. Те же, кто вступал на сей счет в тайное соглашение с третьими лицами, подвергался телесным наказаниям и лишался права на профессию (глава VII. \$1) ⁴⁹.

Особо законодательно регулировались вопросы изготовления заведомо некачественного товара. Мера наказания за это была строгой – конфискация имущества и отсечение руки, не говоря уже о запрете на профессию (глава VIII. \$2, 3, 4, 5, 7, 8)⁵⁰. Не менее строго каралась спекулятивная скупка отдельных товаров, например, свиней. Для этих целей торговцы мясом обязаны были приобретать животных исключительно на торговой площади Тавра, а те, кто тайно выходил за границы города навстречу поставщикам и перекупал у них товар, лишались профессии и подвергались телесным наказаниям (глава XVI. \$1,2,3)⁵¹.

Предусматривались и льготы для специалистов по осо-

---

⁴⁸ «Книга эпарха», 2006. С.294, 295.

⁴⁹ «Книга эпарха». С.298.

⁵⁰ «Книга эпарха». С.300.

⁵¹ «Книга эпарха». С.309.

бо важным категориям профессий, например, хлебопеков. С одной стороны, закон четко определял уровень их прибыли, с другой, освобождал их и даже домашних животных от всяких государственных повинностей (глава XVIII. §1,2)⁵².

Все ромеи являлись гражданами своего государства, и потому никто в Византии не имел освобождения от налогов. Надо сказать, основа основ социализма – учет и контроль были поставлены здесь на очень высокий уровень. В частности, в Византии существовал центральный кадастр с перечнем всех земель и налогов, подлежащих взысканию в пользу казны. В нем значились имена налогоплательщиков, местонахождение объектов налогообложения, границы владений, их площадь, природные особенности и другие важные сведения. Неудивительно, что налоговая система Византии работала очень эффективно⁵³.

При этом центральное правительство, прекрасно отдавая себе отчет в том, что в человеческом обществе всегда неизбежны злоупотребления, предпринимало превентивные меры, рассчитанные на недопущение подобных негативных прецедентов. Для этой цели в Византии широкое распространение получил такой интересный институт, как «*иммунитет*», сущность которого заключалась в *запрете* местным государственным служащим заходить на «иммунитетное» владение, а также осуществлять в его границах опреде-

---

⁵² «Книга епарха». С.311.

⁵³ *Гийу Андре*. Византийская цивилизация. С.146, 150.

ленные действия. Это обеспечивало независимость граждан и отдельных обществ (например, монастыри) от судебных и административных действий в своем владении и возможность пользоваться доходами, получаемого от него, в полном объеме. Разумеется, перед нами специфический, но многовековой способ обеспечения интересов лиц и организаций от злоупотребления местных органов власти⁵⁴.

Имперское законодательство оставило нам и другие выдающиеся памятники социальной деятельности государства. Замечателен, например, Титул VII «Эклоги» – закона императоров Исаврийской династии (VIII в.), устанавливавший организацию сиротских приютов для детей, оставшихся без родителей и опекунов. В случае, если в провинции такие учреждения отсутствовали, «Эклога» *обязывала* местный епископат и монастыри воспитывать сирот до момента их совершеннолетия и женитьбы (замужества). Если же сироты не желали вступать в брак, попечительные учреждения по достижении ими 20-летнего возраста обязаны были передать вымороченное и оставшееся от покойных родителей имущество⁵⁵.

Не менее любопытна история борьбы императоров с владельцами крупных земельных участков (*властителями*), проходившая под эгидой обеспечения прав низших слоев

---

⁵⁴ Яковенко П.А. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908. С 3.-8.

⁵⁵ «Эклога»//Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга епарха. Рязань, 2006. С.67.

сельского населения и в первую очередь солдат (*стратиотов*). Положение дел в контексте земельной собственности постепенно привело к тому, что к X веку многие крестьянские земли оказались в руках властителей, в связи с чем резко подрывалась экономическая основа византийской армии, солдаты которой за свою службу получали определенные земельные наделы. Византийские императоры, обладавшие колоссальным политическим опытом и чутьем, быстро поняли вред, который возникал вследствие уменьшения сословия свободных землевладельцев, и потому систематически предпринимали свои контрмеры⁵⁶.

Первый удар по «властителям» нанес еще император *Лев VI Мудрый* (886-912), упразднивший своим законом муниципальные органы управления и тем самым лишивший «властителей» специальных политических прав. Его смелым преемником в данном вопросе стал следующий венценосец император *Роман I Лакапин* (919-944), пытавшийся не допустить «властителям» вход в свободные общины и приобретение земельных участков у «убогих». В 922 г. появилась его новелла, направленная на защиту прав средних и мелких землевладельцев, дающих основную массу солдат (*стратиотов*) в византийскую армию. Новелла содержала три главных положения. Во-первых, устанавливала преимуществен-

---

⁵⁶ *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства//Васильевский В. Избранные труды по истории Византии. В 2 т. Т.2. М., 2010. С.672, 673, 680.

ное право приобретения пустующей земли крестьянской общины и крестьянами. Во-вторых, запрещала «властителям» принимать дары от бедных в виде земли, неважно в какой форме. Наконец, в-третьих, воинские участки, отчужденные каким-либо способом в течение последних 30 лет, возвращались без всякого вознаграждения первоначальному собственнику⁵⁷.

Этот закон вызвал открытое возмущение со стороны крупных землевладельцев. В ответ в 934 г. Лакапин издал второй закон, предоставивший крестьянам, у которых вопреки закону была приобретена земля в голодный год, возможность выкупить ее за ту же цену у нового собственника⁵⁸.

Эту генеральную линию обеспечения низших слоев населения активно проводил и *Роман II* (959-963), издавший две новеллы по вопросам обеспечения прав стратиотов. В первой новелле развиваются идеи, законодательно закрепленные его царственным отцом, о недействительности сделок по приобретению крестьянских наделов «властителями» в период с 928 по 945 гг. Император подробно разобрал несколько типичных случаев таких приобретений и установил новые льготы для крестьян, вызвав глухой ропот среди провинциальной аристократии.

А в 962 г. вышла новелла «О воинских участках». «В ней

---

⁵⁷ Там же. С.692, 693.

⁵⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т.1. СПб., 1998. С.456, 457.

не только нет речи о какой-либо формальной отмене прежнего законодательства, но и совсем не заметно признаков, чтобы молодой царь стремился приобрести славу великодушия и удовольствие видеть вокруг себя веселые лица уступками окружающей его среде на счет более отдаленной, хотя и многочисленной массы «убогих» и стратиотов». Иными словами, император подтвердил жесткие правила обеспечения прав крестьян на их участки⁵⁹.

Получив известия о том, что изложенные ранее законы часто нарушаются «властителями», сын Льва VI Мудрого император *Константин VII Порфирородный* (913-959) продолжил политику по защите мелких свободных крестьян. В 947 г. василевс издал новеллу, в которой обобщил негативную практику Анатолийской и Фракийской фем. «От многих мы слышали, что «властители» и выдающиеся мужи в феме Фракийской, презирая царские законы и самое естественное право, не перестают вкупаться в села или вступать в них посредством дарения и наследства, и под этим предлогом тиранствуют над несчастными «убогими», сгоняя их с собственных полей, вытесняют с земли, им принадлежавшей». Император подтвердил неизменность старого закона и подтвердил, что *любое* приобретение земли, совершенное в период с 928 по 945 гг., является незаконным и подлежит от-

---

⁵⁹ *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства. С.715, 720.

мене⁶⁰.

Не единожды императоры расплачивались самой жизнью за стремление жить в соответствии с божественной справедливостью и идеалами справедливого государства. Но надо сказать, и отступления от этой социальной политики стоило им не менее дорого. Таким хрестоматийным примером явился, в частности, император *св. Никифор Фока* (963-969).

Через некоторое время после его блистательного воцарения выяснилось, что царский брат Лев Фока, некогда блестящий военачальник, переродился в плохого администратора. В 968 г., когда случилась большая засуха, он в нарушении закона, запрещавшего должностным лицам заниматься торговлей, открыто спекулировал хлебом, покупая его за бесценок на стороне и продавая в столице втридорога. Конечно же, использование Львом своего должностного положения являлось вопиющим попранием закона. И хотя сам св. Никифор не имел никакого отношения к рыночным махинациям Льва, все посчитали, что братья поровну делят барыши.

Однажды, когда царь в поле упражнял свое войско, к нему подошел седовласый старик и попросил зачисления в армию. Император недоуменно спросил: «Ты же старый человек. Как ты сможешь выдержать жизнь солдата?». Старик не без иронии ответил, что он сейчас сильнее, чем во времена своей юности: «Ранее, я мог погрузить хлеб, купленный за

---

⁶⁰ Там же. С.703, 704.

одну монету, на двух ослов, а сейчас, купив его за две монеты, могу нести на плечах»⁶¹. В общем общественное мнение стало склоняться против царя, что в итоге стоило ему жизни.

Вместе с тем, при провозглашенном и строго соблюдаемом равенстве граждан перед законом существовали известные исключения, касающихся гражданских прав еретиков, язычников, иудеев, охотников, актеров и некоторых других групп населения⁶². Как известно, они не являлись полноценными гражданами.

В свою очередь, наделение всех слоев общества социальными гарантиями вовсе не предполагало «социалистического» равенства в материальном плане. Византийское общество было *строго иерархичным*, служилым сверху донизу, и в зависимости от важности выполняемых лицом задач граждане наделялись преференциями, недоступными (да и не нужными) простому обывателю. Это и был тот «современный феодализм», о котором мечтал К.Н. Леонтьев.

Все это приводило к тому, что господствующие группы населения в Византии представляли собой *открытую* социальную категорию. Не было такого сословия, доступ в который был же жестко регламентирован традициями или законами, и у любого гражданина вне зависимости от зани-

---

⁶¹ *Скилица*. Недостатки правления императора Никифора // Лев Диакон. История. М., 1988. С.118-121.

⁶² *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X – XI вв. М., 1977. С.182.

маемого положения и рождения была возможность подняться на самый верх социальной пирамиды. Сама принадлежность к аристократии являлась в Византии фактом не права, а *общественного сознания*. Она определялась совокупностью нескольких факторов, из которых важнейшими были не только чиновность, богатство, родовитость и т.п., но главное – высокий нравственный уровень человека⁶³.

Более того, многие императоры Византии становились самодержцами либо из простых военачальников, либо вообще стремительно поднимаясь вверх из простого сословия. Тому блистательный примеры: *св. Маркиан* (450-457), *св. Лев I Великий* (457-474), *Анастасий I* (491-518), *Юстин I* (518-527), *св. Маврикий* (582-602), *Тиверий II* (698-705), *Филиппик* (711-713), *Лев III Исавр* (717-741), *Никифор I* (802-811), *Михаил I Рангаве* (811-813), *Лев V Армянин* (813-820), *Михаил II Травл* (820-829), *Иоанн I Цимисхий* (969-976), *Константин IX Мономах* (1042-1055), *Исаак II Ангел* (1185-1195; 1203-1204), *Феодор I Ласкарь* (1204-1222), *Михаил VIII Палеолог* (1261-1282) и многие другие. Простым крестьянином был по рождению и *Василий I Македонянин* (867-886). *Св. Лев I Великий* (547-474), по народному преданию, был мясником, и в Константинополе долго показывали стойку, за которой он торговал мясом⁶⁴. *Лев III Исавр* (717-741) первоначаль-

---

⁶³ *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса в Византии XI – XII вв. СПб., 2016. С.191, 192.

⁶⁴ *Дилль Шарль.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С.61.

чально являлся ремесленником.

Нечто очень сходное наблюдалось в свое время и в Западной Европе. Приведем наиболее показательные примеры. В 1239 г. император *Фридрих II Гогенштауфен* (1218-1245) провел реформу управления, создав особую группу чиновников – «юстициаров», у которых не было никаких обязанностей, кроме служению закону, *Justitia*. Юстициары обязаны были ежедневно заседать в судах, переезжая с места на место и нигде не имея постоянной резиденции. При этом предельный срок судебного процесса – 2 месяца ни при каких обстоятельствах не мог быть нарушен. Судебные приговоры должны были писаться по каждому делу отчетливым, ясным почерком, без каких-либо сокращений и обязательно на пергаменте, поскольку подлежали *вечному хранению*.

Ни в коей мере не допускались личные связи юстициаров в провинциях, где они находились, помимо этого им категорически запрещалось владеть в этих провинциях землями или состояниями, вести там торговые дела, покупать или продавать, обменивать или дарить. Даже сыновья не обладали правом иметь собственность в провинциях, где служил отец. На весь срок службы на своем месте им было запрещено соглашаться на обручение и свадьбу своих детей в пределах места службы. Более того, их женам было запрещено приезжать к мужьям. Если юстициар совершал злоупотребления, то его изгоняли со своей должности с конфискацией имущества, поскольку тем самым он нанес ущерб доброму

имени императора.

Кроме того, император организовал унифицированную таможенную систему, введя единые государственные пошлины, позже принятые за образец всеми странами Западной Европы. Государственными стали также меняльные контролы, купальни, мясобойни, а также оборудование для измерения и взвешивания. Таким образом, была установлена *универсальная* система управления на территории всей Западной Римской империи⁶⁵.

Западный император, особенно, если этот титул соприкасался с сильными личностями, безусловно считал себя (и считался) верховной властью, единоличный характер которой не мог поколебать ни феодальный строй, ни наличие в Западной империи и рядом с ней других королевств, ни тысячи городов, активно пытавшихся обеспечить собственные «права» и «свободы». Как ни странно, но именно императоры поддерживали их зримо или тайно в борьбе с их сеньорами, пусть и в собственных выгодах.

Несколько слов скажем и об этих микрогосударствах, обычных союзников императоров. Издавна было известно, к примеру, что городской строй держался высокой самостоятельностью значительной части горожан. При этом городское хозяйство повсеместно было организовано таким образом, чтобы не возникало слишком резких различий в распределении богатств и доходов.

---

⁶⁵ Канторович Эрнст. Император Фридрих II. М., 2022. С.288-301.

Как гласила народная поговорка тех веков, «городской воздух делает человека свободным» («*Stadtluft macht frei*»); и не безосновательно. Согласно сложившейся практике, города сами назначали судей, а если находились в ведении того или иного сеньора, то предлагали ему на утверждение своих кандидатов. Самым важным органом управления городом являлся городской совет (*der Stadtrat*), члены которого избирались горожанами. Причем, эти органы местного самоуправления не получали никакого денежного довольствия – их деятельность и так являлась невероятно почетной.

При этом весьма важное значение придавалось цеховой организации социально-хозяйственной жизни: цехам устанавливали размеры налогов, цену изготавливаемых вещей, правила приема новых членов, виды общественных повинностей, включая военную. Взамен цехам принадлежало исключительное право заниматься определенным ремеслом, оно же являлось для них и обязанностью. Цеха должны были работать честно, на благо всего города, и городские власти тщательно следили за соблюдением интересов рядовых граждан. Они же устанавливали предельные нормы производства того или иного товара, дабы не банкротить более бедных товарищей по цеху, размер жалованья подмастеров и учеников и т.п.⁶⁶

---

⁶⁶ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912. С.73, 84, 90, 94, 103, 111, 119.

«Моя мысль та, – некогда писал К.Н. Леонтьев, – что истинная революция по существу есть *либерализм, эмансипация во всех ее видах*, а социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, есть *глубокая вековая, организующая* постепенно *реакция будущего* (и уже недалекого, XIX век кончается!). Социализм скоро оставит свои *инзурекционные* (мятежные. – А.В.) приемы и сделается орудием новой корпоративной, *сословной, градативной* не либеральной и не эгалитарной *структуры* государства. Он вынужден будет сочетаться с *сохраненными консервативными историческими началами* так или иначе, видоизменяя их и видоизменяясь сам»⁶⁷.

«Быть может, – продолжал он в другом произведении свою мысль, – явится новый феодализм – феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных. Я говорю из вежливости, что подозреваю это; в самом деле, я в этом уверен, я готов *пророчествовать* это»⁶⁸.

---

⁶⁷ Леонтьев К.Н. Письмо Т.И. Филиппову. 20 сентября 1882 г. Москва // «Пророки византинизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875-1891)». СПб., 2012. С.233.

⁶⁸ Леонтьев К.Н. Чем и в чём либерализм наш вреден// Леонтьев К.Н. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996. С. 273-274.

Как известно, его прогнозам (по крайней мере, до сегодняшнего дня) не суждено было сбыться, и основная масса современных государств пошла по пути либерально-демократического, светского социализма. С другой стороны, даже по сию пору в них не восторжествовала та *уравнивающая стерилизация* общества, которую так ненавидел и каковой столь опасался наш великий мыслитель. Западное общество по-прежнему весьма структурировано и дифференцировано как в политическом, правовом, так и имущественном отношении.

Кроме того, и для нас это обстоятельство крайне важно в контексте рассматриваемой темы, все *монархические* образования христианской цивилизации: королевства Бельгия, Великобритания, Португалия, Испания, Дания, Нидерланды, Швеция, Норвегия, великое герцогство Люксембург, княжества Монако и Лихтенштейн, системно и весьма эффективно проводят в жизнь идеи *социального государства*, которое стало по сути одной из разновидностей социализма.

Куда далее направится колесо истории, какие тенденции победят в ближайшее время? Бог весть. Но для нас важен в данном случае сам непреложный факт (многовековой и чрезвычайно разносторонней) органичной совместимости социализма с монархической формой правления, с которой связаны реальные, а не мифические, победные свершения.

Воистину, «что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто,

О чем говорят: «Смотри, вот, это новое», но *это* было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» ... (Еккл. 1:9-11)